

Китаев С.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИНЕРГЕТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ НОМЕНКЛАТУРЫ КАК СУБЪЕКТА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Предметом исследования является определение места и роли номенклатуры в социально-политических трансформациях постсоветской России. Объектом исследования является номенклатура как субъект трансформаций. Автор полагает, что научное изучение устойчивости российской политической системы к вызовам настоящего времени насущно требует построения обоснованных моделей социальных процессов. Однако моделирование, производимое с позиций различных отраслей научного знания, не всегда может приводить к однозначным результатам, что требует поиска наиболее универсальных методов разрешения. Необходимый результат можно получить через понятийный и аналитический инструментарий социальной синергетики, определив ее методологический потенциал в раскрытии сущности номенклатуры и ее роли в трансформации социально-политической системы. Синергетический подход, взятый за основу анализа трансформационных процессов и предлагаемый в качестве определенной методологической установки, применительно к исследованиям феномена номенклатуры, как одного из активнейших участников данных процессов, обеспечивает свое расширяющее представление за счет увеличения набора тех механизмов, которые включаются в качестве основы такого анализа. При исследовании номенклатуры, как разновидности сложных динамических систем, синергетический подход раскрывает широкие возможности в ее изучении. В частности, исследования закономерностей самоорганизации позволяют определить стратегию поведения систем (в том числе социальных) в периоды ее хаотизации: приспособление к новым условиям посредством выбора нового идеала (в примере с номенклатурой, «демократические ценности») и возможных способов (в том числе исключительно декларируемых) его достижения. Этот тезис подтверждает точку зрения многих исследователей, заявляющих, что номенклатурная система не могла бесследно исчезнуть с распадом СССР, а приспособилась к новым социально – политическим условиям.

Ключевые слова: номенклатура, социальная синергетика, бифуркация, трансформация, самоорганизация, система, КПСС, идеология, общество, государство.

Abstract. The subject of this research is the determination of the place and role of nomenclature within the socio-political transformations of post-Soviet Russia. The object is the nomenclature as the actor of transformations. The author believes that the scientific study of sustainability of the Russian political system to the challenges of the present time requires the establishment of the substantiated models of social processes. However, modelling carried out from the perspective of various branches of scientific knowledge does not always lead to unambiguous results, which necessitates the search for the most universal resolution methods. The necessary result can be achieved through the conceptual and analytical tools of social synergetics, having determines its methodological potential in revelation of the essence of nomenclature and its role in transformation of the socio-political system. Synergetic approach taken as the basis for the analysis of transformation processes and offered as the certain methodological orientation, with regards to the study of the phenomenon of nomenclature as one

of the most active participants of these processes, ensures its extensive perception by increasing the range of such mechanisms, which are included as the foundation of such analysis. In examination of nomenclature as the variety of complicated dynamic systems, the synergetic approach reveals the vast opportunities in its research. In particular, the examination of regularities of self-organization allows determining the behavioral strategy of the systems (including social) during the period of its chaotization: adjustment to the new circumstances by means of choosing the new ideal (e.g. "democratic values") and possible ways (including the exceptionally declared) of its achievement. This thesis confirms the point of view of many researchers who claim that the nomenclatural system could not be irrevocably lost with the collapse of the Soviet Union, but adjusted to the new socio-political circumstances.

Key words: *system, self-organization, transformation, bifurcation, social synergy, nomenclature, Communist Party, ideology, society, state.*

Для оценки динамики изменений, возникающих в российской социально-политической системе, необходим анализ ее способности к адекватной реакции на внешние и внутренние дестабилизирующие воздействия, характерные для современной эпохи. Научное изучение устойчивости российской политической системы к вызовам настоящего времени насущно требует построения обоснованных моделей социальных процессов.

Однако моделирование, производимое с позиций различных отраслей научного знания, не всегда может приводить к однозначным результатам, что требует поиска наиболее универсальных методов разрешения.

Необходимый результат можно получить через понятийный и аналитический инструментарий социальной синергетики, определив ее методологический потенциал в раскрытии сущности номенклатуры и ее роли в трансформации социально-политической системы.

Синергетический подход, взятый за основу анализа трансформационных процессов и предлагаемый в качестве определенной методологической установки применительно к исследованиям феномена номенклатуры, как одного из активнейших участников данных процессов, обеспечивает свое расширяющее представление за счет увеличения набора тех механизмов, которые включаются в качестве основы такого анализа [11, 12]. Это, прежде всего, механизмы бифуркационного плана, дополняющие механизмы адаптационные, и механизмы самоорганизационного порядка, дополняющие механизмы организационные.

Представляется обоснованным согласиться с мнением Т. Заславской о том, что суть происходящего на постсоветском пространстве процесса преобразований наиболее адекватно выражается понятием «трансформация». При этом под трансформационным процессом будем понимать «... процесс изменения институциональной структуры общества, неизбежными и очень важными последствиями которого служат сдвиги в социальной структуре общества и его культуре... Социальная трансформация общества означает относительно мирное (не связанное со сменой элит), постепенное, но вместе с тем достаточно быстрое преобразование социального типа общества» [9, с. 4-5].

К главным отличительным особенностям этого процесса Т. Заславская [10, с. 445-446] относит: 1) постепенность и относительный характер протекания; 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социальный тип общества; 3) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 4) слабая управляемость процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредрежденность его итогов (в чем нам поможет разобраться инструментарий теории социальной синергетики – С.К.); 5) неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых социально-политических институтов по сравнению с созданием новых.

Под социальным изменением, как элементом трансформационного процесса, будем понимать

«... процесс революционной или эволюционной смены социального порядка. Под социальным порядком мы будем иметь в виду не его аксиомативный аспект, а лишенное ценностного содержания представление об упорядоченности как наличия связанности, согласованности между элементами системы» [4, с. 169].

Среди основных механизмов социального изменения, выделим организационные и самоорганизационные механизмы, действие которых проявляется в формировании организационных и самоорганизационных социальных структур, различающихся наличием или отсутствием субъекта их возникновения и развития [4, с. 171-172].

Первые есть результат определенного, предшествующего структуре плана, и идеальный вариант структуры, как правило, существует задолго до ее реального воплощения, проект организационной структуры возникает задолго до элементного наполнения. У таких структур всегда есть субъект возникновения, а также траектории развития. Сам по себе начальный проект такой структуры связан, прежде всего, с ее функциональным содержанием, и можно сказать, что такая структура собирается из отдельных элементов, как здание из кирпичиков.

Традиционная форма организационных структур – бюрократически-номенклатурная, предполагающая векторно-иерархические передвижения, с детальной регламентацией деятельности и небольшим характером внутрискруктурных рисков.

Определяющая особенность самоорганизационных структур в спонтанности, незапланированности их появления, о таких структурах можно сказать, что они возникают как бы сами по себе. У таких структур есть своя цель, в направлении которой они развиваются, но у этой цели нет социального субъекта.

Самоорганизационная структура основывается не на формальных признаках организационно-штатного построения, а на проектном принципе деятельности, а также неформальном лидерстве. Здесь объединены высокая степень мобильности с четким, персональным распределением рисков и нелинейной динамикой самоорганизации.

Всякая организация предполагает наличие определенной управляющей инстанции, имеющей дело не с конкретными людьми, а с ролями и статусами, и способной регулировать деятельность организации путем манипуляции этими единицами. Причем данная разновидность управления характерна для закрытой линейной системы.

Неформальность, иррациональность, ориентация на целостность человеческого существования лежит в фундаменте самоорганизационных социальных структур, характерных для открытых нелинейных систем.

В плане воздействия на человека как составляющую управляемой системы эти два принципа могут быть разведены с одной стороны как прямое административное воздействие, имеющее дело с ролью, ее функциями, и потому полагающее, что «незаменимых людей нет», имея в виду, что соответствующая ролевая позиция вполне может быть заполнена без ущерба системе другим человеком. С другой стороны, в основе лежит не прямое управление через идентичность и учет степени идентифицированности человека с ролью, а также понимание того, что конфликт роли и идентичности в результате ведет к повышению энтропийных показателей управляемой системы. Управленческая стратегия даже в ситуации относительной стабильности пролегает по линии компромисса между приемами, работающими на функциональность, и приемами, ориентированными на поиск негэнтропийных факторов воздействия.

Введение в процесс анализа организационных и самоорганизационных механизмов социального изменения позволяет полнее раскрыть роль и место номенклатуры, как субъекта социально-политической трансформации, наполнить новым теоретическим содержанием сложившиеся подходы по данной проблематике.

При этом целесообразным представляется акцентировать внимание на не тождественности категорий «субъект» и «актор». С этой точки зрения согласимся с Т. Заславской, согласно которой «... понятие «актор» имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием (действиями), в то время как понятие «субъект» акцентирует скорее рациональность сознания

и поведения, способность к реализации свободного выбора. Субъект становится актором применительно к какому-то действию, а актор рассматривается в качестве субъекта при наличии определенных характеристик сознания. В зависимости от требований, предъявляемых к индивидам, признаваемым субъектами и акторами, в одних случаях может оказаться, что выраженными свойствами субъектности обладает лишь часть акторов, а в других – что акторами конкретных действий является только часть субъектов. В качестве акторов трансформационного процесса имеет смысл рассматривать тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества» [9, с. 6].

Касаемо такой категории, как «субъект», то, с точки зрения О. Гаман-Голутвиной, «... необходимыми условиями субъектности являются не просто «характеристики сознания», но а) наличие собственного стратегического (или хотя бы тактического) проекта, реализующего собственные (а не внешние) интересы и цели и б) наличие политической воли для реализации собственного проекта. Вне соответствия этим требованиям некие социальные группы могут выступать в качестве акторов (то есть инициировать трансформационные изменения), но быть инструментом достижения внешних по отношению к собственным глубинным интересам целей» [6].

При этом удивительно, что большинство исследователей не касаются субъекта изменений базовых социально-политических установок в жизни российского общества. Без серьезного теоретического осмысления осталась проблема субъекта социально-политических реформ в советской и постсоветской России, а также социальные моменты проведения реформ.

Общепринятым, является подход, при котором основным субъектом трансформационных процессов в российском обществе, является власть, использующая в качестве инструмента трансформаций социально-политической системы «управленческий класс», представленный в различные периоды истории, различными социальными группами [5].

При этом, следует согласиться с Ж. Баланье в том, что любое проявление власти есть «средство борьбы с энтропией», которая угрожает беспорядком обществу [3, с. 43] – здесь категория «власть» совпадает с категорией «политическая власть», а система (например, номенклатурная), которая формирует власть, тождественна государству.

Исторический опыт свидетельствует, что в советский период партия большевиков из инструмента политической организации, сама превратилась фактически в орган государственной власти, не терпящий оппозиции, не приемлющий ее [14, с. 218]. Действуя от имени власти, «у руля» управления по 30-40 лет стояли одни и те же люди, входящие в номенклатуры различных уровней.

При этом само государство стало выполнять нетрадиционные функции. Общество и государство как бы поменялись местами: не общество рождало и формировало государство, а государство начало усиленно воздействовать на общество и создавать, формировать общество «по себе». В этом весьма ярко проявилась институционализирующая роль номенклатуры, особенно в условиях кардинальных социальных трансформаций. И здесь можно говорить о двух аспектах этой роли: во-первых, политически-практической, связанной с установлением определенного порядка, включающего набор базовых структур, организаций, форм взаимодействия и правил, по которым осуществляется деятельность основных агентов; во-вторых, когнитивно-легитимирующей. Последнее связано со схемами объяснения и интерпретации институциональных порядков (как старого, низвергаемого, так и нового, утверждаемого), а также оправдания революционного творчества. В процессе данной деятельности происходит не только становление и закрепление нового общественного устройства, но и институционализация самой верховной власти, осуществляющей руководство обществом. Причем в политико-идеологическом дискурсе для населения она конституирует себя как «партийное руководство», а в политико-техническом дискурсе (распространенном также и внутри нее самой) как «номенклатура».

Какова же роль номенклатуры в трансформационных процессах российского общества? Насколько отвечают представители данной социальной общности изложенным требованиям субъектности? Если отвечают, то являются ли они единственными источниками трансформаций?

Постараемся ответить на эти вопросы, используя классификацию Т. Заславской, которая выделяет три основных уровня трансформационного процесса [9, с. 4-5]: «макроуровень», основными субъектами которого выступает высшее политическое руководство страны, определяющее «сверху» основные сценарии (варианты) развития России (к субъектам «макроуровня» советского периода можно отнести в первую очередь представителей высших органов ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР); «микроуровень», основными субъектами которого являются рядовые граждане.

Повышенного внимания в рамках исследуемой проблематики заслуживает большая иерархично построенная группа лиц, являющихся как управляющими, так и управляемыми. Это, так называемый «мезоуровень» трансформационного процесса, расположенный между узким слоем высшего политического руководства страны и множеством рядовых граждан, основной функцией которого является социальное посредничество между верховной властью и массами – они хоть и не определяют дальнейшие пути становления России, но поддерживают политическое руководство, деятельность которого в большей степени соответствует их пристрастиям.

Представителями данного уровня, на наш взгляд, являлись номенклатурные работники. Их трансформационная активность оказывала прямое влияние на условия и содержание деятельности заметного числа людей, а также направляла реальное преобразование институциональной системы в тех или иных направлениях.

Совокупная субъектная деятельность всех вышеуказанных уровней получила название трансформационной активности [10, с. 193, 505]. Т. Заславская выделяет три основных элемента трансформационной активности: а) ре-

форматорскую и управленческую деятельность верхних слоев общества, б) социально-инновационную деятельность представителей средних слоев, а также в) реактивно-адаптационное поведение массовых групп, составляющих основную массу населения. Связь этих элементов и является непосредственным движущим фактором трансформации [10, с. 163-170, 194, 449-452, 500-502, 509-518]. Такое понимание контрастно имеющимся представлениям о том, что, практически, единственными и основными акторами трансформационных процессов служат элитные и субэлитные группы (и, в том числе, номенклатуры). Хотя и отрицать их значимость невозможно. Причем их прерогативой служат наиболее существенные и важные виды трансформационной активности.

В частности, нельзя не согласиться с тем, что представители отраслевых («хозяйственных»), региональных («советских») и идеологических («партийных») номенклатур являлись основными проводниками идеолого-телеологической модели развития страны – воплощения в жизнь априорной, идеологически выстроенной конструкции общественной жизни [7, 8].

При этом если деятельность региональных и идеологических номенклатурных работников, ориентированных на априорные идеологические конструкции, позволяла поддерживать устойчивость статуса, вне зависимости от результатов непосредственной практической деятельности, то деятельность отраслевых номенклатур находилась в существенной зависимости от реальных результатов практической деятельности, находясь в состоянии конкуренции с Западом [1, с. 14-26]. Причем в условиях эрозии идеологием режима либеральными и прагматическими течениями, наблюдающимися в последние десятилетия существования советского государства, социалистическая и популистская риторика особенно тяготила деятельность последних. В связи с чем представители отраслевых номенклатур занимали наиболее активную позицию в попытке трансформации сложившихся социально-политических и экономических реалий, при существенном сопротивлении со стороны идеологических номенклатур. Со стартом перестроечных трансформаций произошла смена

векторов влияния между слоями номенклатуры, особенно, в пользу отраслевой. Разобщенность номенклатур, различие в их взглядах относительно выбора оптимальной модели общественного развития, а также нежелание политического руководства страны к реставрации социалистических ценностей, обусловили крах советского режима.

Разобщенность номенклатур происходила не только на функциональном уровне, но и на клиентальном уровне, основным элементом которого являлся клан. Клановое деление общества и соответственно клановая канва в политической жизни России и политических отношениях имеет глубокие исторические корни и является одним из ключевых значений в понимании концепта номенклатуры.

По мнению А.Д.Бевзенко, «Кланы – это наиболее часто возникающие самоорганизационные порядки, которые появляются в политическом измерении общества в процессе установления отношений власти и подчинения. Основанием для образования соответствующих кланов могут быть родовые связи, земляческие отношения, этническая или религиозная близость. Сущность их в основе своей одна: на основании некоторого рационально непонятного и неоправданного чувства единства, близости, родственности, подобия возникает определенный порядок, задающий процессы распределения и перераспределения власти. Каналы такого распределения выстраиваются в рамках самовозникающей на основе такого единства структуры, отношения в которой выстраиваются по типу семейных или командных» [4, с. 300].

Клановость как механизм формирования новой постсоветской элиты не был обойден вниманием социологов. Группой украинских исследователей под руководством Н.Шульги в 1998 году был проанализирован состав восьми украинских кабинетов министров, пребывавших у власти в период 1990–1997 гг. Анализ их биографий показал, что доминирующим является днепропетровский клан, постоянно рекрутирующий своих представителей во властные структуры самого высокого ранга. Он образовался и утвердился как хорошо интегрирован-

ная самоорганизационная структура задолго до образования независимого украинского государства. Авторы исследования называют такой принцип формирования элиты принципом «землячества». Днепропетровская группа показала свою силу и сплоченность еще в брежневские времена, сохраняя почти два десятилетия властные высоты в бывшем СССР. Победа ставропольского клана и приход Горбачева резко изменил правила игры, в которые играла номенклатура бывшего Союза. Но днепропетровцы переместились на территорию Украины, где заняли прочные позиции во властных структурах и не отдали их после провозглашения независимости. Авторы достаточно подробно анализируют все шаги укрепления этого клана в украинской власти. «Заметим, что термин «днепропетровец» не имеет точного значения. Это может означать и место рождения, и определенный период работы на этой территории, и место окончания вуза» [16, с. 102]. Подобное можно отнести и к «питерцам», и к «силовикам», и т.п. Определяющим, таким образом, является некий общий для всех этих случаев фактор. Коммунистическая риторика заменена демократической, но это только смена «игровых правил», а сами «игроки», их сплоченность и азарт перенесли в новые декорации в силу этого свойства игровой ассоциации сохранять единство и локальность, хотя бы и в области притяжения иного игрового пространства.

В свете изложенных закономерностей, предметное сохранение феномена номенклатуры во властном механизме постсоветского российского государства, равно как и формирование новых «игровых порядков», выглядит вполне объяснимо. Как отмечал Г. Явлинский, «В стране случился номенклатурный термидор – к власти пришли люди из числа тех, кто раньше заседал в Центральном Комитете и Политбюро ЦК КПСС и работал в спецслужбах. Они только сменили свои костюмы – и вместо прежних слов о Ленине, коммунизме и социализме стали говорить о реформах, демократии и рынке» [17].

А.Д.Бевзенко считает, что клан можно рассматривать как «аттрактивную структуру, где

возникают и утверждаются новые формы правил игры. Конкуренция аттракторов в кризисные моменты предстает как конкуренция кланов, один из которых, как правило, подавляет со временем все другие» [4, с. 315].

После развала Союза, «номенклатурный клан» оказался одним из самых организованных и многочисленных, в связи с чем, длительное время продолжал участвовать в конкуренции аттракторов развития постсоветской России.

Однако представляется, что указанные факторы явились лишь необходимыми предпосылками для кардинальных трансформаций советской социально-политической системы, выводящими страну на очередной виток социальной бифуркации, при выходе на который ключевая роль стала принадлежать народным массам, то есть акторам трансформации микроуровня, которых нельзя недооценивать даже в силу их многочисленности.

Причем активность трансформационных акторов данного уровня при их решающем влиянии в бифуркационные периоды истории развития России традиционно носит хаотический, не организованный характер. Это во многом обусловлено отсутствием условий для создания полноценных институтов гражданского общества.

На бытовом уровне и в андеграундных тусовках гражданская сфера у нас существовала и в советские времена, но дальше «кухни» и семейных застолий она почти не продвигается и сейчас. Власти, определяя для произвольно появившиеся самоорганизационных порядков материальную базу и территорию, из раза в раз брали их под контроль, разрушая на корню их самоорганизационную базу.

В роли основного вектора направления движения народных масс представители советской номенклатуры активно использовали механизмы идеологии.

Истоки коммунистической идеологии, механизмы консолидирующего воздействия на огромные массы людей теперь уже очень многими теоретиками этой проблемы связываются с мифологическим сознанием, с предположением, что в этих случаях мы имеем дело со своего рода религией [4, с. 329].

По мнению Л.Д. Бевзенко, «Явление культа лидера, вождя, центральной фигуры в пантеоне богов, порождаемое тем или иным мифом, – необходимая составляющая процесса образования соответствующей самоорганизационной (консолидированной, интегрированной) структуры. В зависимости от социального радиуса, который имеет эта структура, от времени ее существования степень сакрализации этой фигуры бывает различной. В рассматриваемых случаях коммунизма это были глубоко укоренившиеся в массовом сознании культовые явления» [4, с. 330-331].

Таким образом, советский период наглядно иллюстрирует примеры той консолидирующей силы, которой обладает самоорганизация. Срабатывать в качестве средства, направляющего социальные потоки, она может везде, где есть благоприятная почва в виде высокоэнтропийного социального пространства и где умело иницируются или спонтанно возникают миф или игра, которые становятся основанием для такой консолидации.

Пение корпоративного гимна, введение специальной символики (серп и молот, и т.п. – С.К.) и ритуалов, культивирование внутренней корпоративной этики – часть мифопоподдерживающих технологий [4, с. 332].

При этом, методы управления обществом, которые использовала номенклатура, являются эффективными исключительно для линейных социально-политических систем.

Линейная система является вполне управляемой системой, а значит и степень ее упорядоченности видится вполне подвластной субъекту управления. Реакция системы на управляющие воздействия однозначна и пропорциональна силе воздействия. Это означает, что можно создавать множество рычагов управления – например, различные министерства, – и они могут оказывать свои управляющие воздействия отдельно и независимо друг от друга, при этом результат будет суммарным – и культура будет развиваться, и экономика, или с культурой будет все в порядке (хороший министр), а с экономикой нет (плохой министр). Даже если в русле таких управленческих решений возникает потребность коррекции того,

что мы определили как социальную энтропию, сказывающуюся на уровне социального самочувствия людей, их чувстве интегрированности с социальным окружением, то и это решается достаточно линейными способами: путем создания различных структур – пионерских, комсомольских, профсоюзных организаций. Вступление людей в эти организации – пусть и не вполне добровольное – видится обеспечивающим упорядоченность и структурированность социума [4, с. 339-340].

Пример управленческого стиля времен «развитого социализма» демонстрирует наиболее линейный, механистичный подход к проблеме социального управления. Функции управляющего, следуя этой модели, – это функции рулевого. Если что-то не сложилось, то дело не в принципе жизнедеятельности самой системы, не в сути процесса социальных изменений, а в самом управляющем, его мастерстве. Решение проблемы – в смене управляющего.

В логике полной управляемости вовсе не абсурдным, а вполне закономерным является разрастание управленческого аппарата, создание множества различных проектных институтов, призванных подвести научную базу под управленческие решения, что демонстрировала история Советского Союза. В частности, среди основных задач того периода – декларировалась задача неуклонного повышения уровня управляемости процессами в обществе, расширения научных исследований социально-политической системы усилиями философов, юристов, экономистов, социологов, специалистов точных наук [15, с. 5-12].

До момента социальной бифуркации такие управленческие решения в той или иной степени находили свою реализацию, вместе с тем, с возрастанием энтропии в системе, она переходит в разряд нелинейных и здесь методы, которые использовала номенклатура, не являются действенными.

Советский период продемонстрировал, что с ослаблением системного контроля, в обществе начались самоорганизационные процессы, возникли частные производственные образования, объединяющиеся в самостоятельные, независимые от государства структуры. Однако это шло

вразрез идеологической и правовой системе государства, приобретая формат неофициальной, скрытой экономической деятельности, представители которой объединялись с поддерживавшими их представителями номенклатуры [13, с. 71].

До наступления такого момента возможны целенаправленные усилия по сохранению старого порядка, по недопущению развала старых структур. С выходом системы в критическое, бифуркационное состояние как раз и происходит та самоорганизационная перестройка, принципиально не поддающаяся управлению, и результат ее во многом зависит от случайного фактора.

Причина такой неуправляемости – в характерной для нелинейных систем неоднозначности возможных послебифуркационных конфигураций системного устройства.

Именно недопущение бифуркационной точки – единственно возможная и допустимая стратегия сохранения управляемости для нелинейных систем. В межбифуркационные периоды субъект управления (вождь, жрец, царь, элитная группа) может владеть ситуацией не столько в плане создания того, что ему хочется, сколько в плане сохранения того, что есть, поскольку после наступления кризиса (а его можно спровоцировать и различными нововведениями) уже ничего определенного сказать нельзя ни о судьбе общества, ни о судьбе его руководителя, какими бы благими ни были его намерения.

Линейная модель описывает системы, которые могут в равной степени совершать движения как вперед, так и назад. У таких систем процесс их развития является обратимым, и поэтому для тех, кто мыслит социальную систему живущей по линейным законам, возврат в прошлое состояние кажется закономерным и возможным. Когда сейчас некоторые политические силы призывают к восстановлению Советского Союза, они тем самым демонстрируют именно такое видение закономерностей социального развития. Нелинейная модель таких возможностей не предоставляет. Все та же бифуркационная точка является пограничным моментом, до которого возможны какие-то движения взад-вперед. Но выход на бифуркационную точку означает безвозвратную утрату

предыдущего качества системы, разрушение ее структур и выход на новые траектории движения. Попытки возврата Советского Союза в этой логике выглядят не более вероятными, чем возможность вернуть на вершину обрушившуюся лавину.

Опыт постсоветского реформирования свидетельствует, что организационные усилия бессильны перед идущим навстречу, изнутри общества, самоорганизационными процессами. «Даже растерянное, деморализованное, распяленное на отдельные атомы общество ведет себя отнюдь не как материал для лепки. Скорее всего, его надо рассматривать как совершенно самостоятельный источник нелокализованной субъектной активности» [2, с. 82].

Поскольку социальные структуры в рамках линейной модели мыслятся возникающими в соответствии с замыслом управляющей инстан-

ции, то и исчезать они должны в соответствии с желанием этой же инстанции. Поэтому аппарат репрессий, аппарат насилия является основным инструментом осуществления управления в организационно, линейно управляемых системах. Но зачатки самоорганизационных явлений происходят на уровне чувств, мыслей и переживаний, а управлять этим с помощью репрессий невозможно. Самоорганизацию запретить нельзя, равно как и нельзя пытаться насильно втиснуть ее в сконструированные внешней инстанцией, ей не свойственные рамки [4, с. 351].

Обобщая вышеизложенное, безусловно, мы видим огромный методологический потенциал теории социальной синергетики в исследовании номенклатуры как субъекта трансформаций, что позволяет создать определенный задел для дальнейшего исследования данных процессов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврамова Е., Дискин И. Социальные трансформации и элиты // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 14-26.
2. Андреев А.А. Самоорганизация социокультурной среды и трансформация политической системы: российские реформы с точки зрения синергетики // *Вестник Московского университета*. 2000. Серия 7, Философия. № 6. С. 82.
3. Баландзе Ж. *Политическая антропология*. М., 2001. С. 43.
4. Бевзенко, Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л.Д. Бевзенко. К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. 437 с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции [Текст] / О.В. Гаман-Голутвина. М.: Интеллект, 1998. 416 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние. http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=32&pod3_id=215 (проверено 10.07.2016)
7. Дискин И. В путях возмнившего разума // *Общественные науки*. 1990. № 4. С. 5-21.
8. Дискин И. Возможен ли сегодня социализм в СССР? // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 15-25.
9. Заславская Т. Кто и куда стремится вести Россию? Макро-, мезо- и микроакторы трансформационного процесса / Т. Заславская. М.: МВШСЭН, 2001. 384 с.
10. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т.И. Заславская. М., 2002. 568 с.
11. Китаев С.В. Номенклатура как субъект социально-политической трансформации современной России: Дисс... канд. полит. наук. Волгоград, 2007. 207 с.
12. Китаев С.В. Номенклатура как субъект социально-политической трансформации современной России: Автореф. дисс... канд. полит. наук. Волгоград, 2007. С. 87.
13. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994. С. 71.
14. *Общая и прикладная политология*. М., 1997. С. 218.
15. Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // *Правоведение*. 1981. № 5. С. 5-12.
16. Шульга М., Бойко Н. Уряди України: соціологічний портрет владної еліти (1990–1997 рр.) // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 1998. № 3. С. 102.
17. Явлинский Г. Страна на перепутье-Общая газета. 2000. № 52. 28 декабря.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Avraamova E., Diskin I. Sotsial'nye transformatsii i elity // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994. № 3. S. 14-26.
2. Andreev A.L. Samoorganizatsiya sotsiokul'turnoi sredy i transformatsiya politicheskoi sistemy: rossiiskie reformy s tochki zreniya sinergetiki // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2000. Seriya 7, Filosofiya. № 6. S. 82.
3. Baland'e Zh. *Politicheskaya antropologiya*. M., 2001. S. 43.
4. Bevzenko, L.D. Sotsial'naya samoorganizatsiya. Sinergeticheskaya paradigma: vozmozhnosti sotsial'nykh interpretatsii / L.D. Bevzenko. K.: Institut sotsiologii NAN Ukrainy, 2002. 437 s.
5. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoi evolyutsii [Tekst] / O.V. Gaman-Golutvina. M.: Intellect, 1998. 416 s.
6. Gaman-Golutvina O.V. Problema sub'ekta modernizatsii v Rossii: istoriko-kontseptual'nye aspekty i sovremennoe sostoyanie. http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=32&pod3_id=215 (provereno 10.07.2016)
7. Diskin I. V putakh vozomnivshego razuma // *Obshchestvennye nauki*. 1990. № 4. S. 5-21.
8. Diskin I. Vozmozen li segodnya sotsializm v SSSR? // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1991. № 1. S. 15-25.
9. Zaslavskaya T. Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Makro-, mezo- i mikroaktory transformatsionnogo protsessa / T. Zaslavskaya. M.: MVShSEN, 2001. 384 s.
10. Zaslavskaya T.I. Sotsietal'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya / T.I. Zaslavskaya. M., 2002. 568 s.
11. Kitaev S.V. Nomenklatura kak sub'ekt sotsial'no-politicheskoi transformatsii sovremennoi Rossii: Diss... kand. polit. nauk. Volgograd, 2007. 207 s.
12. Kitaev S.V. Nomenklatura kak sub'ekt sotsial'no-politicheskoi transformatsii sovremennoi Rossii: Avtoref. diss... kand. polit, nauk. Volgograd, 2007. S. 87.
13. Krizisnyi sotsium. Nashe obshchestvo v trekh izmereniyakh. M., 1994. S. 71.
14. *Obshchaya i prikladnaya politologiya*. M., 1997. S. 218.
15. Tikhomirov Yu.A. Sub'ekty sovetskoj politicheskoi sistemy // *Pravovedenie*. 1981. № 5. S. 5-12.
16. Shul'ga M., Boiko N. Uryadi Ukraïni: sotsiologichni portret vladnoi eliti (1990–1997 rr.) // *Sotsiologiya: teoriya, metodi, marketing*. 1998. № 3. S. 102.
17. Yavlinskii G. Strana na pereput'e-Obshchaya gazeta. 2000. № 52. 28 dekabrya.